
БОРИС ПУГАЧЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Миротворец — это тот,
кто кормит крокодила
в надежде, что тот
съест его последним.*

У. Черчилль

Москва
2018

УДК 82-3
ББК 84
П88

Пугачев Б.Л.

Избранные произведения/ Борис Львович Пугачев. — М.: Книга по требованию, 2018 — 506 с.
П88

ISBN 978-5-519-65173-8

Перед вами, читатели, — попытка описать поразивший меня полный коллизий жизненный путь и мироощущения, поведенные одним из заключенных изолятора временного содержания. Считать его только террористом было бы явной недооценкой масштаба влияния на социальное развитие общества совершенных им злодеяний. Применять к нему термин «человек» в общепринятом понимании — недопустимо. Названия ему, вероятно, еще не придумали. Вместе с тем он — один из ярких представителей сообщества, пробивающего себе дорогу не только в скудное земное существование, но и в элитные слои общества разных стран. Такой феномен ускользает от внимания наших современников, хотя активно развивается, часто даже влияя на геополитическую картину мира. Рассказы этого персонажа я попытался смягчить и представить в виде криминально-психологического повествования. Написав первый вариант текста, я долго не мог приступить к его редактированию, боясь снова погрузиться в пучину кошмара и гложущих сомнений. Я и сейчас не уверен в правильности своего решения о предании гласности многих ужасающих эпизодов. После томительных терзаний я все же убедил себя, что скрывать такое явление — аморально. Надеюсь, читатель не только почувствует трепет, но и задумается о... Каждый о своем.

А для отдыха от ужасающих остросюжетных переживаний во второй части книги много заметок, навеянных впечатлениями и умозаключениями, возникшими в моем сознании при разных обстоятельствах в разных местах нашей Планеты. И не только!

**УДК 82-3
ББК 84**

© Издание на русском языке,
оформление «YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка
«Книга по Требованию», 2015
© Б.Л. Пугачев, 2015

ISBN 978-5-519-65173-8

Роман

ПРОВАЛ

или

Оргия жизни без секса

Предисловие

Их было двое. Обезличенных в своем обмундировании. Один приказал мне догола раздеться, а другой, терпеливо дождавшись, пока я выполню приказ, заставил нагнуться и раздвинуть ягодичы. Когда я смог принять естественную позу, то увидел, как мучители придирчиво ощупывают мою одежду. Я, стыдливо прикрываясь, непроизвольно протянул руку за уже осмотренными трусами, но они, поддетые невидимой силой, вдруг слетели на грязный пол. Я инстинктивно нагнулся, чтобы поднять их и, получив ощутимый пинок ногой, повалился на колени. Последовавший глумливый смех вызвал у меня острое чувство потери самого ценного. В следующий момент я понял, что утрачиваю то, что раньше называл человеческим достоинством. Стыд, вначале порожденный наготой, разрастался от острого чувства безысходности и наконец овладел всеми моим существом. Я покорился этой атмосфере беспредельного насилия, которая так неожиданно сломила меня.

Все последующее происходило, как в кошмарном сне. Я бездумно и покорно выполнял приказы, не различая отдающих их лиц. Лязг закрывающейся двери отчасти вернул меня к реальности. Я находился в небольшом помещении с зарешеченным окном. Слева в стену были вмонтированы сплошь залитые подтеками ржавчины чаша Генуя и раковина. Справа — двухъярусные нары и стол с прикрепленной к нему скамейкой, на которой сидел мужчина.

Я неуверенно поздоровался, но не получил в ответ даже кивка головой. Моя попытка заговорить тоже не увенчалась успехом. Потоптавшись, я присел на край скамейки, не зная, как вести себя дальше. Тревожное ожидание непомерной тяжестью навалилось на каждую частичку моего тела. Дверь опять лязгнула, и появившаяся в проеме фигура, указав рукой на моего соседа, приказала:

— На выход!

От этих безысходных слов мне стало совсем немого. Отчаянье, заглушившее все чувства, овладело моей душой.

Откуда-то послышалось:

— Руки назад!

Дверь захлопнулась, отгородив своей серой плитой от всего, что было мне дорого. Рок, оторвавший меня от привычной жизни, получил реальные очертания. Казалось, жизнь оборвалась. Я впал в безучастное состояние, перестав ощущать течение времени.

Очередной лязг двери не произвел на меня никакого впечатления. Даже когда в поле моего зрения попал сокамерник, я не желал проявить хоть какие-то эмоции.

Он уселся на нижние нары и заговорил, ни к кому не обращаясь, хотя и обращаться было не к кому. Как собеседник я был не лучше окружающих стен. Мое восприятие свелось к физиологическим функциям слухового аппарата.

— Недоумки! Никчемные человечки! — зафиксировал мой слух эмоционально напряженное высказывание моего невольного визави. — Призывать меня к совести... Нет ее в природе. Как, впрочем, добра и зла, из которых человечки пытаются плести оправдания своему жалкому существованию. Бессмысленно. Даже животные создают друг для друга пищевые цепочки и удобряют землю. Человеческие афлии только все портят. Они от мироздания переняли лишь притворство. Но у зверей такая потребность вызвана естественным желанием продолжения рода, а человечкам она нужна для ненасытного удовлетворения чуждой природе мироздания алчности. Жалкие актеришки на сцене ими же придуманного театра! Поэтому умертвлять человечков — благо. Зачем говорить об осознании вины, о придуманных человечками законах? Нет у меня перед ними вины. Нет для меня их законов. Еще Каин им это объяснял... Однако его не поняли. Взяли от него только злость, малодушие, отчаянье и назвали это идиотским словом «культура». Пытались тем самым найти позитивные отличия себя от животных. Вот и потеряли смысл существования! Жаль, что не вымерли. Размножились безмерно. Уничтожаем их, уничтожаем, а они все плодятся. Даже после потопа возродились в том же уродливом качестве. С каждым днем все больше и больше гадят. Но ничего... Скоро все изменится!

Хоть я и потерял интерес ко всему происходящему, однако диссонанс звучащих слов и обстановки поразил меня. Рассуждать о добре и зле, делать псевдофилософские заключения в этих стенах казалось бессмысленным.

— К чему вы это? — спросил я. — «Оставь надежду, всяк сюда входящий». А понятия «добро» и «зло», не соглашусь с вами, существуют. Не здесь, конечно. Хотя... В религиях много тысяч лет под этими словами понимают совершенно определенные сущности. Бог и Дьявол — вот две стороны всего нашего бытия. Здесь, вероятно, царствует Дьявол, но это не свидетельствует о том, что в мире совершенно исчезли лежащие в его основе божественные ценности. Ведь много тысяч лет...

— Философ! Тогда по какому добру или злу ты здесь паришься?! Наказания ведь не существует ни в понятиях Бога, ни в понятиях Дьявола. Оно придумано человечками и ими же произвольно назначается, — сверкнув глазами, произнес с нескрываемой издевкой мой визави.

Я зачем-то стал обосновывать свое утверждение, ссылаясь на Евангелие, Апокалипсис, Канта и даже «Чакру 13-го мира».

Он, не обращая внимания на мои потуги, продолжал:

— Зная конец, Моисей схитрил. Хотел вас — жалких человечков — дисциплинировать. Объяснить, что жрать, пить, размножаться и почитать Избранных — единственное благо. Сорок лет, на что-то надеясь, поил и кормил бездельников. Заповеди придумал... Не понимал, что из тупика так не выйти. Естественно, ничего не получилось! Однако до сих пор человечки, используя его наставления, находятся в тщетных поисках. Объявляют себя центром мироздания! Великая сила веры! Ждете какого-то пришествия! Отождествляете это пришествие с природой. Песок! Что на нем построишь! Екклезиаста в Библию включили, а не поняли... Афлии! Только сейчас свершилось! Свершилось для меня и, может быть, для кого-то еще... Хотя другие меня интересуют только, когда Избранные этого требуют... Предназначение, данное мне Избранными, о которых так много говорилось, но так мало понималось, является единственным значимым законом. Не только для меня. Для всех! Кто этого не понимает — подлежит уничтожению.

— Вы это серьезно? — недоуменно спросил я, заподозрив, что сосед в дополнение ко всем моим злоключениям еще и сумасшедший.

Он не ответил. Я всмотрелся в его глаза и понял, что ошибаюсь. Они, хотя и излучали злобный огонек, но ярко свидетельствовали о здоровом уме. Я не нашел ничего лучше, как продолжить свои высказывания.

Не обращая внимания на мои слова, он бурчал фразы, казавшиеся мне, по меньшей мере, бредовыми. Я, вероятно из желания отвлечься от гнетущих мыслей, ухватился за происходящее, и, отбросив возражения, пытался разобраться в звучащих тирадах. Сначала мой отчаявшийся мозг не мог уловить логику многочисленных метафор. Однако вскоре я почувствовал, что поселившиеся во мне отчаянье и ужас отступили в глубину сознания. Ко мне возвращалось утерянное достоинство. Я стал постигать необычную логику моего сокамерника, в голове которого перемешались разнообразные философские течения и религиозные верования. Он то начинал цитировать Ницше, то переходил к античным философам и их последователям эпохи Возрождения, то находил неожиданные аналогии с классовой теорией Карла Маркса.

Меня все больше удивлял этот неуместный, порой граничащий с исповедью словесный понос, а мой сотоварищ все говорил и говорил. Сегодня я поражаюсь возникшему тогда во мне неумемному желанию общения с этим странным субъектом. Не знаю зачем, но я опять стал рьяно приводить парадигмы, лежащие в основе человеческих взаимоотношений. В ответ я услышал множество историй из его жизни. Он уверял меня, что они подтверждают правильность принятого им мироощущения.

Звучащие тогда рассказы и умозаключения то ужасали меня, то вызывали горькие думы, то острое неприятие. Постепенно передо мной предстала вся мозаика событий, определивших жизненный путь моего соседа. Зло, насилия и убийства составляли его основу. Мой сокамерник гордился тем, от чего я содрогался. В какой-то момент я перестал выражать эмоции, а только перелистывал книгу этой страшной жизни. Так продолжалось с небольшими перерывами на сон и допросы почти пять суток.

Потом, когда мои злоключения благополучно закончились, я много думал не только о сути произносимого в стенах камеры изолятора временного содержания, но и о психологическом воздействии на меня речей моего соседа. Мне иногда снится тот злополучный каземат, выразительные карие глаза, горящие на во-

левом чернобровом лице, и размеренный, временами чрезмерно повышающийся голос этого поразительного рассказчика.

Как бы то ни было, все, сказанное между нами, навсегда осталось в моей памяти, хотя я до сих пор не знаю, под каким названием объединить разрозненные сумбурные, а порой, на мой взгляд, бессмысленные тирады и повествования моего сокамерника. Ясно только, что услышанное еще тогда поразило меня, вызвав возникающее до сих пор смятение.

С тех пор прошло много лет. По роду своей деятельности мне пришлось соприкоснуться с похожими историями. Они дополнили то закулисье, которое мой сосед не знал или не хотел знать. Невольно открывая новые аспекты представленных мне событий, я вспоминал своего соседа по камере ИВС.

Теперь я знал, что он не одинок в своем мироощущении. Таких становится все больше. Они пробивают себе дорогу даже в элитные слои общества. К сожалению, этот феномен ускользает от внимания моих современников. Поэтому я задумался о необходимости описания истории жизни моего сокамерника, дополнив ее известными мне фактами, определяющими подобные изменения в сознании людей.

Плод моей работы перед вами, читатели.

Я воссоздал цепочку событий превращения обычного советского школьника в... Нет! Как назвать его — не знаю. Оставлю это на ваше, читатели, усмотрение.

События жизни персонажа моего повествования обрываются на моменте нашего расставания в камере ИВС. О его дальнейшей судьбе вы узнаете, прочитав эпилог.

Глава 1

В небольшой комнате теснились крепко сложенные молодые парни в спортивных костюмах. Одни пытались пристроиться на потертом диванчике и трех стоящих в ряд стульях, другие — привалиться к засаленной стене. Из-за тесноты и скудости обстановки им приходилось непрерывно менять позы, создавая суетную неустроенность. Центром этой неустроенности являлся ярко одетый низкорослый жилисто-худощавый на вид средних лет мужчина с контрастно обрамленным густыми черными бровями орлиным носом и горящим взором карих глаз. Он, опершись обеими руками на облупленную крышку письменного стола, с характерным для уроженцев Кавказа акцентом ораторствовал. Суть его речи с позиций непосвященного человека терялась в обилии почерпнутых из фени словечек. Собравшиеся же разноголосьем и активной жестикуляцией выражали одобрение по поводу услышанного.

Наконец он умолк и, обеда присутствующих недобрым колючим взглядом, стряхивая невидимые пылинки со своего бордового, явно сшитого на заказ пиджака, буркнул:

— Что сидим, братва? Расходняк!

Поднялся галдеж, и вскоре комната опустела, приняв обычный запущенно-казенный вид, свойственный рабочим помещениям советских учреждений.

Мужчина не спеша запер дверь, снял пиджак и аккуратно водрузил его на спинку стула. Затем прилег на диван, еще сохранявший тепло недавно теснящихся на нем человеческих тел. Недобрый огонек в его глазах потух, и он предался вот уже долгое время беспokoящим его размышлениям. Суть этих размышлений сводилась к поиску способа влиться в криминальный мир Москвы. Он давно внушил себе, что с его образованием, знанием жизни и способностями можно быстро выдвинуться в лидеры на фоне полуграмот-